

СТАТЬИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ, СУБЪЕКТ ИСТОРИИ И СУБЪЕКТ-ИСТОРИК: К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

М.Ю. Сидорова, Ли Гуаньяо

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; sidorovadoma@mail.ru; liguanyaao767@gmail.com

Аннотация: В статье дан список текстовых тактик репрезентации исторического времени, выявленных при анализе русскоязычных учебников по истории Китая, отмечена их универсальность и национальная специфика, проанализированы две ключевые тактики, связанные с взаимодействием позиций субъекта-историка (модусной) и субъектов истории (диктумной и модусной). Это 1) вариативность точки отсчета на шкале времени — ее движение по воле историка от современности до глубокой древности; 2) дифференциация или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, которые, помимо диктумной роли (участие в событиях), могут играть и модусную (оценка, свидетельство, планирование событий и т. п.). Лингвистический анализ подтверждает постулированные в работах историков, философов, культурологов характеристики исторического времени и его отличия от календарного времени — социальный характер, связь с ценностными категориями и целеполаганием, с нарративной интригой, категориями субъекта и пространства, разграничение концепций «Время-1» и «Время-2». «Изменение» как главный герой истории проявляется не только в динамике событий, но и в динамике точек зрения на них. Рассмотрена роль конкретных языковых средств (в частности, прилагательных и наречий *временный, временно, вовремя, некоторое время, позже, последующий, прежний, новый, древний* и др.; существительных с темпоральным компонентом значения типа *предание, пережиток*; предложно-падежных синтаксем и т. п.) в организации нелинейного, социально обусловленного и событийно наполненного исторического времени как текстового конструкта. Для объяснения предложений, в которых время события локализуется относительно времени другого события и относительно современности, вводится понятие «тройной временной связи».

Ключевые слова: русский язык; историческое время; история Китая; текстовые тактики

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-1

Для цитирования: Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 9–19.

HISTORICAL TIME, THE SUBJECT OF HISTORY AND THE SUBJECT-HISTORIAN: ON THE PROBLEM OF TEXTUAL REPRESENTATION

Marina Sidorova, Li Guanyao

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sidorovadoma@mail.ru;
liguanyao767@gmail.com*

Abstract: The article provides a list of textual tactics of representing historical time, identified in the analysis of Russian-language textbooks on the history of China, their universality and national specificity are noted, two key tactics related to the interaction of the positions of the subject-historian (modus) and subjects of history (dictum and modus) are analyzed. These are 1) the variability of the reference point on the time scale — its movement according to the will of the historian from modernity to ancient times; 2) the differentiation or fusion of the positions of an extra-textual modus subject — historian and intra-textual subjects of history, which, in addition to a dictum role (participation in events), can also play a modus role (assessment, witnessing, planning events, etc.). Linguistic analysis confirms the characteristics of historical time postulated in the works of historians, philosophers and cultural historians, and its differences from calendar time — social character, connection with value categories and goal-setting, with narrative intrigue, categories of subject and space, differentiation of the concepts of “Time-1” and “Time-2”. “Change” as the main character of history is manifested not only in the dynamics of events, but also in the dynamics of points of view on them. The role of specific linguistic means (in particular adjectives and adverbs *temporary, temporarily, in time, some time, later, subsequent, former, new, ancient*, etc.; nouns with a temporal component of meaning, such as *tradition, relic*; noun forms, etc.) in the organization of nonlinear, socially conditioned and event-filled historical time as a text construct is considered. To explain the sentences in which the time of an event is localized relative to the time of another event and relative to modernity, the concept of a “triple time bundle” is introduced.

Keywords: Russian language; historical time; history of China; text tactics

For citation: Sidorova M.Yu, Li Guanyao (2025) Historical Time, the Subject of History and the Subject-Historian: On the Problem of Textual Representation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 9–19.

Историческое время — фундаментальное понятие в области исторических и социальных наук. Оно представляет собой сложное и многомерное явление, которое не ограничивается лишь линейной последовательностью событий, но имеет когнитивную, символическую и социальную значимость. Понимание исторического времени влияет на понимание истории в целом и общества. Так, И.М. Савельева и А.В. Полетаев в работе «Теория исторического знания» показывают, что понятие исторического времени совмещает два подхода к времени, сформированные человечеством: «Время-1», которое

«представляется как некая среда, в которой происходит движение (изменение)», и «Время-2» — «нечто движущееся (меняющееся)» [Савельева, Полетаев 2008: 61]. Соответственно, «обращение к концепции “Время-1” выражается в попытках “заполнить” время событиями» [Савельева, Полетаев 2008: 69], оно связано с фигурой «наблюдателя», модусного субъекта, организующего эти события в хронологии и способного мыслить о них одновременно. «Время-2» связано с действующими субъектами исторического процесса, для которых и мимо которых оно неумолимо течет из прошлого в будущее (в этот процесс вовлекается и модусный субъект — историк, постольку, поскольку мимо него время также протекает). Историческое время не равно времени календарному: длительный период календарного времени может оказаться практически ничтожен в историческом смысле, при этом за незначительный отрезок календарного времени общество может проделать огромный путь во времени историческом. Историческое время социально и «опредмечено» конкретно-исторической деятельностью людей. Календарное время однократно и однонаправленно, в историческом возможны цикличность, повторяемость, «движение вспять» [Барг 1984]. Действительность историческому времени придает именно его социальный характер: «Историческое время — это, прежде всего, время истории как реального процесса, содержанием которого являются события, из которых соткана жизнь человечества, отдельных народов, социальных групп и общностей, отдельных индивидов, событий, за которыми стоят действия людей, их стремления, интересы, цели, чувства...» [Корягина 2008: 541]. Историческое время отражает и непрерывность жизни общества, и ее дискретность, разделенность на интервалы [Там же].

И эта непрерывность, и эта дискретность, и другие свойства исторического времени придаются ему сознанием человека, который пишет историю. Историческое время — инструмент для создания **образа** прошлого [Герасимов 2018]. И.К. Калимонов и М.В. Байтеева, анализируя герменевтические подходы П. Рикёра и Р. Козеллека, подчеркивают важность вовлеченности историков в конструирование исторического времени [Калимонов, Байтеева 2011]. Н.В. Гриценко убедительно показывает, что для прояснения содержательной и концептуальной сущности исторического времени требуется обращение к анализу понятий «исторический факт», «историческое событие», «историческое изменение», изучение хронотопа и различение моментного и интервального компонентов времени, а также понимание того, что историческое время конструируется на основе понятия об «исторической ценности» [Гриценко 2004]. В социальном измерении З.А. Чеканцева различает субъективное и объ-

ективное восприятие времени, подчеркивая значимость времени как инструмента и контекста исторической работы. Историческое время выступает при этом как междисциплинарный объект [Чеканцева 2010].

Что же объединяет все перечисленные исследования, демонстрирующие общий современный вектор рассмотрения исторического времени? Во-первых, то, что в них историческое время понимается как продукт, с одной стороны, интеллектуальной деятельности историка, пишущего историю (модусного субъекта), с другой — социальной деятельности субъектов исторического процесса, творивших историю (диктумных субъектов). Во-вторых, то, что историческое время трактуется в них как время социальное, то есть время событий, происходящих в социуме, шагов, которые этот социум делает в том или ином направлении, с той или иной скоростью, в определенной последовательности. В-третьих, то, что, являясь когнитивным конструктом, историческое время включает не просто отражение реальности, но ее определенное понимание, в основе которого лежит интенция, целеполагание автора текста. Из сказанного вытекает целесообразность лингвистического анализа средств вербализации времени в историческом тексте, выходящего на уровень обобщений, касающихся тактик и стратегий порождающего текст субъекта.

Как и в предыдущей нашей статье [Сидорова, Гуаньяо 2024: 407–411], в качестве **материала** мы используем учебники по истории Китая для российских вузов¹.

Актуальность темы связана не только с повышенным интересом к китайской проблематике в современном научно-образовательном пространстве, но и со спецификой дисциплины «История Китая», которая позволяет выявить как общие для исторического текста, так и национально обусловленные характеристики. Эта специфика состоит, по крайней мере, в трех параметрах. Это 1) древность китайской цивилизации, что дает возможность рассматривать наш объект на большой исторической протяженности; 2) сочетание в интерпретации истории Китая разными авторами линейного и циклического подходов; 3) ценностная ориентация традиционной китайской историографии, на которую опираются и современные историки. «Обычно каждая новая династия после своего утверждения на престоле создавала комиссию профессиональных историков, в задачу которых входило написание истории предшествующей ди-

¹ Если эти учебники цитируются как научные источники, ссылки на них оформляются соответствующим образом, если служат источниками примеров, то обозначаются первой буквой фамилии (первого) автора, например, С — Симонская, М — Меликсетов.

настии... Они составлялись высококвалифицированными специалистами, стремившимися достаточно объективно изложить исторические события предшествующей династии и подвести читателя к выводам, которые должны были подтвердить легитимность правящей династии. Естественно, что доказательство легитимности новой династии подчас требовало новой интерпретации и событий далекого прошлого... Однако это “переписывание” истории происходило при строгом соблюдении накопленной веками конфуцианской этики и дидактики, нравоучительной заданности: история всегда должна была подтверждать, что небесную санкцию на управление Китаем (Поднебесная империя) может получить только тот, кто обладает наивысшей благодатью-добродетелью дэ» [Меликсетов et al. 2002: 3–4].

Безусловно, современный российский историк, автор учебника, работает в рамках другой модели. Но в любом случае он создает текст, в котором «конфигурирующий акт построения интриги сочетается со способами объяснения/понимания при репрезентации прошлого» [Рикер 2004: 260], а важнейшим инструментом этой конфигурации и объяснения служит взаимодействие категорий времени и субъекта. В чем же состоят базовые текстовые приемы этого конструирования и какими языковыми средствами они реализуются? Ответ на этот вопрос составляет **цель** данной статьи.

Выстраивая нарративную интригу и организуя движение исторического времени в историческом тексте, автор осуществляет селекцию и комбинацию языковых средств в рамках целого ряда текстовых тактик [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998], выходящих далеко за пределы простого расположения событий в хронологической последовательности (или одновременности). Изучение конкретных языковых средств и приемов построения текста в нашем материале позволило выделить следующие тактики историка — автора учебника (этот автор может быть и коллективным).

1. Вариативность точки отсчета на шкале времени — ее движение по воле историка от современности до глубокой древности.

2. Разделение или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, которые, помимо диктумной роли (участие в событиях), могут играть и модусную (оценка, свидетельствование, планирование событий и т. п.).

3. Сочетание различных принципов интервального членения хронологической шкалы — общеисторических и специфичных для истории Китая: календарного (*год, десятилетие, век* и т. п.), стадийного (*этап, период, стадия, цикл, эпоха*), событийного (*довоенный/послевоенный, в эпоху X*).

4. Управление динамикой действия, длительностью событий и промежутков между ними, как бы «не заполненных» событиями.

5. Варьирование точности указания на время события (от минут до тысячелетий).

6. Взаимодействие между категориями времени и пространства с учетом позиции субъектов истории и субъекта-историка.

7. Делинеаризация исторического времени, в том числе с помощью разнообразных приемов «забегания» вперед и «оглядки» в прошлое.

8. Операции с категориями «новое — старое» и «впервые» (*первый*) с целью реализовать определенную идею исторического прогресса.

9. Указание на типичность или частотность, повторяемость (качественную или количественную) события или признака.

10. Положительная или отрицательная оценка того или иного исторического интервала или момента времени с точки зрения всего социума или его части.

11. Фокусировка на отдельном субъекте истории, приводящая к выстраиванию исторического времени вокруг событий, связанных с ним.

12. Взаимосвязанное выражение темпоральных отношений и причинно-следственных, целевых, уступительных.

Объем статьи позволяет рассмотреть две первых тактики, которые, вероятно, являются ключевыми.

1. Вариативность точки отсчета на шкале времени и направления взгляда из этой точки (вперед или назад).

Историк волен назначить точкой отсчета любой момент или интервал на линии времени — от современности до глубокой древности — и в соответствии с этим оперировать темпоральными показателями *предыдущий, последующий (последовавший), следующий, прежний, старый, давно, новый* и под.

Как и в *предыдущий* период, революционная борьба в городе и в деревне разворачивалась неравномерно (С); Его учение стало ортодоксальной идеологией господствующего класса в *последовавшие* века (С); *Следующий* поход, возглавленный китайским полководцем Су Дин-фаном, привел в 657 г. к полному поражению Западного каганата (С) — в подобных примерах хорошо ощутима концепция «Время-1», автор учебника имеет возможность как бы «одновременно» смотреть на два похода на Западный каганат — второй из них называется следующим именно потому, что в поле зрения историка одновременно удерживается и первый.

Славу и известность сунской культуре обеспечила ее глубокая органичная приверженность *древней* культурной традиции, зачатую *по-новому* осмысленной (Б) — культурная традиция характеризуется как древняя (уходящая далеко в прошлое) по отношению к эпохе Сун, которая ее *по-новому* осмысляет.

Первый минский император, использовавший советы конфуцианских ученых, хотел решить эту задачу аграрными мероприятиями,

напоминавшими **стародавнюю** надельную систему (С) — система является *стародавней* по отношению к тому моменту, когда ее хотел возродить первый минский император, а характеристика императора как *первого* говорит о том, что за ним последуют и другие.

Феодалы, войска, горожане Кайфына поддержали **нового** правителя, желая прекращения междоусобиц и объединения страны (С); Группировка сановников совершила дворцовый переворот и возвела на престол родственника **прежнего** императора — Ван Мана (С) — новый правитель со временем становится *прежним*, а *прежний* когда-то был *новым*, появление первого или второго прилагательного рядом с его номинацией зависит от того, в какой момент исторического времени, в связи с каким событием автор считает нужным упомянуть о нем, чтобы подчеркнуть историческую непрерывность или дискретность.

На смену власти тобийских правителей в северо-восточном государстве Ци и в северо-западном — Чжоу пришли китайцы. Боеспособное тобийское конное войско **давно** перестало существовать (С) — войско перестало существовать *давно* по отношению к приходу к власти китайцев, а не к современности. По отношению к нашим дням приход к власти в Ци и Чжоу китайцев и исчезновение тобийского конного войска произошли одинаково давно — речь идет о второй половине VI в. Но в текстах учебников показатель *давно* для локализации событий относительно нашего времени не используется.

Древность в китайской истории не просто протяженна, она многослойна. На каждом этапе древней истории Китая есть нечто, что социумом этого этапа по отношению к нему уже осмысливается как древность. Древнее по отношению к нашей современности опирается на более древнее и древнейшее: В **древнекитайских** мифах и исторических преданиях содержатся указания на то, что «в **древности** люди знали мать и не знали отца» (С). За *древнекитайскими* мифами уже стоит период, который воспринимается во время их создания как *древность*. О I в. н. э. сообщается: Ученые выполнили поистине колоссальную текстологическую работу над **древними** памятниками (С), при этом памятники самого I века также считаются *древними* (относительно нашего времени). Прилагательное *древний* используется в текстах учебников как в значении «существовавший в далеком прошлом и более не существующий», так и в значении «возникший давно, очень старый», причем в некоторых случаях для разграничения этих значений требуются специальные знания, например: Полководцы южного царства, применив хитрость в стиле **древнего** классического военного искусства Китая, нанесли полчищам Фу Цзяня жестокое поражение (С).

2. Разделение или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, кото-

рые, помимо диктумной роли (участие в событиях), могут играть и модусную (оценка, планирование событий и т. п.).

Диктумные субъекты, находящиеся в потоке событий «Времени-2», не ведают будущего, не обладают знанием того, как долго будет продолжаться то или иное событие и когда оно закончится. Автор, локализуя событие на хронологической оси и относительно других событий, может добавить его характеристику по длительности, которая не могла быть известна участникам события на момент его начала: *И начались **долгие** переговоры с чиновниками Ведомства Церемоний (С); После смерти У-ди, Китай вступил в **длительный** период стагнации (С).* В тот момент, когда переговоры начались, еще не было известно, что они будут долгими. *После смерти У-ди* (темпоральная локализация) в Китае начался период стагнации, но то, что он был длительным, стало ясно значительно позже. Автор говорит об этом, потому что это важно для оценки событий с точки зрения исторического времени.

На эту тактику работают прилагательное *временный*, наречие *временно* и выражение *некоторое время*: *Тяжелое поражение революционных сил в 1927 г. привело к **временному** спаду политической активности рабочего класса и крестьянства (С); Но вскоре императрицей стала У Цзэ-тянь (У Хоу), которая **временно** устранила законных наследников (С); Вэй Чан-хуй захватил **на некоторое время** власть в Нанкине (С).* Они обслуживают взгляд назад из более позднего момента истории, чем тот, на котором находится повествователь в данной точке текста. Констатация, что устранение законных наследников было *временным*, подразумевает, что позднее ситуация изменилась. Субъект речи — автор учебника — знает историю «до конца» и реализует это знание в выборе языковых средств, который дает еще один, дополнительный эффект — компактность изложения. В одно предложение как бы стягиваются эксплицированная ситуация (Х захватил власть) и ее «отмена» (Х лишился власти). Аналогичную роль играют маркеры *вначале*, *первоначально*, *первое время*.

С увеличением количества модусных субъектов усложняется и временной план: *Арабские историки Абу Саид и Масуди, **жившие позднее, в следующем веке**, рассказывали о стычке жителей местного иностранного поселения с повстанцами, но китайские источники умалчивают об этом (С).* Здесь три субъекта мысли (автор учебника, арабские историки и китайские источники), при этом автор, с одной стороны, смотрит на ситуацию со своей точки отсчета (он знает содержание арабских и китайских источников), с другой — в качестве темпорального ориентира использует момент *стычки*. Возникает некоторый парадокс: относительно автора араб-

ские историки — в прошлом, что манифестируется прошедшим временем глагола и причастием совершенного вида, а относительно события (стычки) и его участников — в будущем (*позднее, в следующем веке*), и обе позиции совмещаются в предложении. Ср. аналогичные тактические приемы в другом учебнике: *Китайские историки называли это время периодом Троецарствия, короткая история которого овеяна в китайской традиции ореолом рыцарского романтизма. О войнах между тремя царствами сохранилось много преданий, которые позже были положены в основу большого литературного романа Ло Гуань-чжуна «Троецарствие», написанного тысячелетие спустя* (Б) — рядом с субъектом — автором учебника — в этом фрагменте возникают китайские историки, безымянные «авторы» преданий (при этом существительное *предание* в силу своего словарного значения, включающего компонент «из поколения в поколение», маркирует большую продолжительность времени) и романист Ло Гуань-чжун. И здесь мы снова видим сочетание причастия совершенного вида с темпоральным маркером *тысячелетие спустя*, которое ориентирует время написания романа и относительно нашей современности, и относительно периода Троецарствия. Типичная для исторического текста тактика, которую можно назвать «тройной временной связкой». В целом история Китая раскрывается в исследованных нами текстах не только как история дел, но и как история мыслей, запечатленных в текстах, переосмысливавшихся и переформулировавшихся тысячелетиями.

Диктумные субъекты истории могут в тексте учебника «заглядывать в будущее» с помощью интенциональных предикатов, сообщающих об их планах, намерениях, надеждах. Некоторые из их планов сбываются, другие нет, о чем опять же известно не им, но автору: *Готовившееся здесь выступление должно было быть частью общекитайского восстания, планировавшегося Объединенным союзом. Однако выступление пришлось начать неожиданно* (М).

Историк и субъекты истории могут по-разному оценивать течение исторического времени, своевременность или несвоевременность событий. При этом одни и те же лексемы могут выражать позицию разных субъектов. Например, слово *пережиток*, имеющее отрицательную коннотацию. Ср.: *Никаких иных божеств и храмов в их честь чжоуская религиозная система не знала, хотя на низшем своем уровне была знакома... с анимистическим поклонением явлениям природы, с пережитками тотемизма, магией, знахарством и т. п.* (М) — здесь слово *пережитки* принадлежит субъектной сфере автора, сами чжоусцы не считали свои религиозные воззрения *пережитками тотемизма*; *Отказавшись от участия в обработке ритуального большого поля (т. е. показав свое отношение к системе*

больших полей как к **пережитку** прошлого), взамен он ввел налог в виде десятины (М) — здесь принципиальное значение имеет отнесенность слова *пережиток* к субъектной сфере правителя, что объясняет причину проведения им реформ.

В заключение следует отметить, что перечисленные тактики а) действуют во взаимосвязи на всем протяжении текста (выстраивая последовательность событий, историк одновременно управляет динамикой действия, точками зрения и точкой отсчета, добавляет причинно-следственные смыслы, проводит свою идею прогресса, выстраивает хронотоп и т. п.); б) не просто обеспечены соответствующими языковыми средствами, а, как можно предположить, имеют с этими языковыми средствами общую когнитивную обусловленность, отражая взгляд человека говорящего не только на историю, но на категории времени, события, пространства, субъекта в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барз М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
2. Герасимов Г.И. Историческое время // *Философия и культура*. 2018. № 4. С. 28–38.
3. Гриценко Н.В. Историческое время в социально-философском контексте. АКД. Таганрог, 2004.
4. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
5. Калимонов И.К., Байтеева М.В. Понятие «Историческое время» и творчество историка: взгляды П. Рикёра и Р. Козеллека // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2011. 153 (3). С. 255–266.
6. Корягина Е.А. К проблеме определения исторического времени // *Вестник Башкирского университета*. 2009. Т. 14. № 2. С. 538–542.
7. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008.
9. Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2025. № 1. С. 70–81.
10. Чеканцева З.А. Время историка // *Образы времени и исторические представления*. Россия–Восток–Запад. М., 2010. С. 66–78.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Буддыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. Хабаровск, 2016.
2. Меликсетов А.В. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
3. Симоновская Л.В. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

REFERENCES

1. Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoy nauki [Categories and Methods of Historical Science]. Moscow, 1984. (In Russ.)
2. Gerasimov G.I. Istoricheskoe vremya [Historical Time]. *Filosofiya i kultura*, 2018, no. 4, pp. 28–38. (In Russ.)
3. Gritsenko N.V. Istoricheskoe vremya v sotsial'no-filosofskom kontekste [Historical Time in the Socio-Philosophical Context]. Dissertation, Taganrog, 2004. (In Russ.)

4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, 1998. (In Russ.)
5. Kalimonov I.K., Bayteeva M.V. Ponyatie "Istoricheskoe vremya" i tvorchestvo istorika: vzglyady P. Rikera i R. Kozelekka [The Concept of "Historical Time" and the Historian's Creativity: Views of P. Ricoeur and R. Koselleck]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2011, vol. 153, no. 3, pp. 255–266. (In Russ.)
6. Koryagina E.A. K probleme opredeleniya istoricheskogo vremeni [On the Problem of Defining Historical Time]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2009, vol. 14, no. 2, pp. 538–542. (In Russ.)
7. Ricoeur P. Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, History, Forgetting]. Moscow, 2004. (In Russ.)
8. Saveleva I.M., Poletaev A.V. Teoriya istoricheskogo znaniya [Theory of Historical Knowledge]. Saint Petersburg, 2008. (In Russ.)
9. Sidorova M.Yu., Li Guanyao. Toponimy v tekstakh rossiyskikh uchebnikov po istorii Kitaya (po dannym chastotnogo analiza) [Toponyms in the Texts of Russian Textbooks on the History of China (Based on Frequency Analysis Data)]. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniye*. 2024, no. 3, pp. 407–411. (In Russ.)
10. Chekantseva Z.A. Vremya istorika [The Historian's Time]. *Obrazy vremeni i istoricheskoe predstavleniya. Rossiya–Vostok–Zapad*, Moscow, 2010, pp. 66–78. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

1. Buldygerova L.N. Istoriya Kitaya: uchebnoe posobie [History of China: a textbook]. Khabarovsk, 2016. (In Russ.)
2. Meliksetov A.V. Istoriya Kitaya: uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. [History of China: a textbook. 2nd ed., revised and enlarged]. Moscow, 2002. 736 p. (In Russ.)
3. Simonovskaya L.V. Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of China from ancient times to the present day]. Moscow, 1974. 7 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 09.09.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 01.03.2025

Received 09.09.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 01.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Сидорова Марина Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; sidorovadoma@mail.ru

Ли Гуаньяо — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; liguanyao767@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Marina Sidorova — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; sidorovadoma@mail.ru

Li Guanyao — PhD student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; liguanyao767@gmail.com